

СТАТЬИ И ЭССЕ

Алексей Гусев*

Маргинализация и космополитизм:
взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации
пространственных перемещений

Аннотация. В данной работе производится сравнительный анализ взглядов современных социологов на такие значимые вопросы как размывание социальной идентичности, маргинализация, снижение роли национальных государств. Оригинальность данной работы заключается в том, что все упомянутые процессы исследуются как социальные последствия физического перемещения в пространстве. Разумеется, речь не идет о географическом детерминизме: перемещение в пространстве (миграция, туризм) характеризуется как факт общественной жизни. Вначале в статье выявляются самые общие, онтологические основания маргинализации, подробно изученные Зигмундом Бауманом. Затем исследуются позиции социологов Энтони Гидденса и Ульриха Бека, описывавших более конкретные проявления маргинализации в современном политическом поле. И, наконец, работа завершается выявлением значимости пространственных факторов в творчестве Джона Урри, чья мобильная социология стоит несколько в стороне от воззрений предыдущих ученых, однако не может быть проигнорирована в контексте поднятых вопросов.

Ключевые слова. Маргинализация, маргинальность, Чужак, социальная идентичность, космополитизм, национальное государство, туризм, миграция, пространственные перемещения, мобильность.

Понятие маргинальность широко распространено в социологических исследованиях. Его «изобретателем» заслуженно считается Роберт Парк, в чьей статье «Миграция и маргинальная личность» 1929 года впервые было проблематизировано понятие маргинальности [8]. Очевидно, что исторические условия с тех пор претерпели радикальные изменения, однако для социологии остается значимым парковское понимание маргинальности как «пограничного состояния» личности, в силу обстоятельств вынужденной одновременно относить себя к разным социальным группам (как правило, разделенным на основании жестких дихотомий, например, национальных или расовых).

За 80 лет, прошедших с момента публикации первой статьи на тему маргинальности, само понятие стало пролиферированным; накопился огромный «пласт» как теоретических исследований релевантных вопросов, так и практических изысканий. Примечательно, что «центр» исследований маргинальности сместился из области анализа национальных и расовых отношений в область социальной стратификации. Более того, обыденное понимание этого понятия наиболее приближенно именно к стратификационной трактовке: маргинальность как атрибут низших слоев общества, андеграунда, тех, кто не смог «влиться в мейнстрим».

Здесь, тем не менее, хотелось бы сделать акцент на изначальном понимании маргинальности, корни которого следует искать именно в анализе проблем междрасового и межнационального взаимодействия. Более того, акцент будет сделан на таком аспекте, как пространственные перемещения, без которых немислимы процессы миграции и вообще любое взаимодействие взаимоисключающих социальных групп (наций, рас и т.п.).

---

* Гусев Алексей Николаевич – аспирант МГИМО (У)

© Гусев А., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

Современные ученые-социологи склонны искать корни распространения феномена маргинальности (или корни процесса маргинализации) в абстрактном «размывании социальных идентичностей», которое в свою очередь выводится из диффузии классовой структуры и структуры собственности, нарастания социальной дистанции, распространения транснациональных корпораций и других явлений, характерных для постмодерна и глобализации. В данной статье будет предпринята попытка выявить во всех подобных современных теоретических построениях такой «классический сюжет», как пространственные перемещения. Рассмотрение пространственного аспекта позволит «увязать» рассуждения современных авторов с первоначальным пониманием маргинальности, идущим от Роберта Парка.

Мы сосредоточим свое внимание на работах четырех значимых современных социологов: Зигмунта Баумана, Энтони Гидденса, Ульриха Бека и Джона Урри. Именно они внесли значительный вклад в исследование процессов маргинализации и размывания идентичностей в современном обществе.

Следуя хронологии, мы начнем наш обзор с Чикагской школы. Чикагские социологи (идейным лидером которых и был Роберт Парк) провели большое количество исследований, посвященных пространственным перемещениям: как трансконтинентальной миграции, так и перемещениям бедноты между кварталами Чикаго. Но, изучая различные аспекты миграции, они, тем не менее, не использовали сам концепт маргинальности [1]. Однако уже их последователи – американские социологи середины XX века – активно внедряли это понятие в обиход теоретических и практических работ по изучению миграции, нижних слоев и депривированных элементов. Кроме того, некоторые американские авторы при описании схожих социальных процессов маргинализации использовали понятие «Чужак», идущее от Георга Зиммеля [9], избегая собственно понятия «маргинальной личности».

До 70-х гг. XX века абсолютное большинство теоретических и эмпирических изысканий по проблематике, связанной с маргинальностью, проводилось в США. В последней же трети XX столетия живой интерес к этой теме стал возникать и в европейских социологических кругах. Конечно, американцы по-прежнему держат пальму первенства, особенно в области прикладных работ по маргинальности, однако все большее значение приобретают труды некоторых европейских теоретиков, таких как З. Бауман, Э. Гидденс, А. Лефевр, Дж. Урри и др. Такое внешнее изменение этой области социологии привело к изменению и ее содержания: изучение маргинальности приобрело более теоретический, абстрактно-философский характер.

Но практический интерес также сыграл немаловажную роль. В конце прошлого столетия Европа столкнулась примерно с теми же социально-историческими проблемами, которые американское общество переживало в первой трети XX века: в европейские государства устремились мигранты из бывших колоний. Как выяснилось, американское общество было лучше подготовлено к этим проблемам, поскольку по сути своей являлось переселенческим, воплощая метафору «плавильного котла». (Отметим, что «ответом» американских социологов на нескончаемый поток мигрантов и конфликты между этническими общинами в мегаполисах стало проведение многочисленных исследований по тематике маргинальности.) Для европейских же национальных государств массовая иммиграция оказалась серьезным потрясением: они не смогли «переварить» такое количество Чужаков. Это особенно очевидно сейчас, когда маргиналы бедных мусульманских кварталов Лондона и Парижа продолжают испытывать неприятие к титульным нациям, что провоцирует популярность радикального исламского фундаментализма.

Другой проблемой современности, с которой столкнулись жители как Европы, так и Америки, стало размывание идентичности большинства коренного населения, а не только мигрантов, переселенцев или девиантов. Здесь свою роль сыграло разрушение жесткой стратификационной структуры, обусловленное заметным увеличением среднего класса. Но главными причинами утраты идентичности, вероятно, следует считать стирание

национальных границ и всеобщую мобильность. Поскольку новый вызов имел под собой гораздо более сложные основания и его нельзя было классифицировать как «простой наплыв мигрантов», в Европе ответом на него стали не прикладные исследования жизни и быта маргиналов (которые проводились в Чикаго в 20-х и 30-х гг.), а глобальное теоретизирование социальных мыслителей. Если американцы шли от практики к теории, то европейский путь был обратным.

Создание сначала Европейского экономического сообщества, а затем и Евросоюза, оказалось серьезным испытанием на прочность для национальной идентичности жителей Старого Света. Как известно, основой политического сознания последних 200 лет западноевропейской цивилизации является национальное государство с его четкими границами и понятным составом населения. Процессы, происходящие последние 30–40 лет подрывают эту основу, размывая ту самую национальную идентичность, на которой зиждется жизнь европейцев. Живущие по соседству с «аборигенами» мигранты делают незначимыми границы национальных государств, их культурная «непохожесть» на представителей коренного населения делает неустойчивой оппозицию «свой – чужой».

Эти процессы как раз и можно обозначить термином «маргинализация» в современных условиях. Их удачная интерпретация применительно к новейшей европейской истории содержится в работе З. Баумана «Современность и амбивалентность». Отметим, что этот автор относится к числу тех, кто избегает самого термина «маргинализация» (и даже маргинальность), используя близкое (хоть и не тождественное) понятие – размывание идентичности. Хронологически принадлежа к поколению социологов-постмодернистов, Бауман описывает процесс маргинализации, анализируя не столько институты и структуры, сколько определенные социальные типы («Чужак») и их групповую идентичность.

Бауман пишет не о конкретных политических опасностях, которые следуют из маргинализации современного общества, а о глобальных, онтологических опасностях, которые содержит в себе существование чужака как социального типа, Чужака как такового. «Угроза, которую он (чужак) несет в себе, – гораздо страшнее, чем те, которых мы привыкли ожидать от врагов. Чужак угрожает самому обществу, самой возможности его существования. Он разрушает структуру базовой бинарной оппозиции друзья-враги: он не друг и не враг, поскольку может быть и тем, и другим... Оппозиции делают возможным знание и действие, чужак парализует их» [6, p. 55].

Чужак «не принадлежит к группе изначально, «с самого начала», «с незапамятных времен». Память о его появлении в группе как о событии делает это событие историческим, но не естественным фактом» [1, с. 59].

По мнению Баумана, полная ассимиляция Чужака в рамках одного поколения невозможна, да и последующие поколения растворяются в чужой среде лишь частично. Основной его довод заключается в том, что Чужак всегда будет помнить свою чуждость, он никогда не забудет те проблемы непонимания, с которыми он столкнулся вначале. Чтобы перестать быть Чужаком, ему следовало бы потерять свою социальную память.

Бауман пишет, что в современном обществе проблемы взаимодействия с Чужаками становятся актуальными как никогда раньше. Распространение туризма, мировой торговли, легкость и скорость передвижения превратили путешествие за границу и контакты с иностранцами в рутину. Таким образом, возросла и вероятность повседневного взаимодействия с Чужаками. Разумеется, пишет Бауман, общество нашло возможность ограничивать это взаимодействие. Такие ограничения носят пространственный и функциональный характер: иностранные приезжие размещаются в отелях, где персонал обучен общению с ними, передвигаются до мест деловых встреч или достопримечательностей на транспорте, на котором также работает соответствующий персонал. Иными словами, их места пребывания и маршруты становятся своеобразными анклавами, за пределы которых они редко выбираются. И это касается не только организованных туристов. Мигранты также склонны к тому, чтобы создавать компактные районы проживания – гетто – и общаться с коренным населением через посредников.

Подобное размежевание способствует определенности в отношениях с Чужаками, снижает исходящий от них риск. Ограничения взаимодействия с Чужаками носят преимущественно территориальный характер, речь идет о создании своеобразных анклавов, сохранении стандартных маршрутов передвижения для туристов и т.д. Говоря о том, что взаимодействие с Чужаками ведется через посредников, Бауман особо выделяет функцию этих посредников – обеспечивать минимальную возможность коммуникации при соблюдении определенной изоляции Чужаков.

Можно заметить, что Бауман в своих рассуждениях неоднократно затрагивает зиммелевскую тематику единства близости и удаленности. Действительно, в своей работе он неоднократно ссылается на экскурс о Чужаке Г. Зиммеля. Жля немецкого классика единство близости и удаленности – одна из характерных черт Чужака, окрашенная если не позитивно, то, по крайней мере, нейтрально; Зиммель усматривает в этом единстве функциональное значение Чужака – осуществление культурного обмена между группами [9]. И в самом деле, маргинализация современного общества, в каких бы терминах она ни определялась, одновременно является обратной стороной процесса интенсификации культурного обмена.

З. Бауман видит в единстве близости и удаленности одну из опасностей, заложенных в маргинализации. «Чужак подрывает пространственный порядок в мире, координацию между моральной и топографической близостью, совместным существованием друзей и удаленностью врагов. Его существование – угроза надежности классических географических границ как универсального инструмента упорядочивания мира» [6, p. 72].

Сравнивая воззрения Баумана и Зиммеля на проблематику маргинальности и распространения социального типа Чужака, необходимо вспомнить о так называемых позитивных и негативных определениях маргинальности, которые были дифференцированы С.П. Баньковской. Позитивная трактовка маргинализации (а также соответствующих социальных типов – маргинала, чужака) – это трактовка маргинализации как членства в более чем одной социальной группе. Маргинал при таком подходе обладает более разнообразным и эклектичным социальным опытом, чем простой «местный житель». Негативная же трактовка маргинализации основана на «недостатке участия» – неполноценном членстве маргинализируемых слоев в любых социальных группах [2, с. 460].

Данная дифференциация исключительно полезна при сравнении теоретических позиций разных авторов. Возвращаясь к сравнению позиций Баумана и Зиммеля, нетрудно заметить, что у обоих авторов присутствует позитивная трактовка. Но если Бауман в феномене «избытка группового участия», свойственном Чужаку, видит опасность для национальных государств, то Зиммель характеризует Чужака с его избыточным групповым участием как исторически прогрессивный социальный тип. Оба автора придают принципиальное значение пространственным причинам маргинализации; корень различий между их позициями лежит в «массовости» пространственных перемещений. Если во времена Зиммеля они носили довольно ограниченный характер (соответственно, мигрирующие в пространстве социальные типы имели уникальную функциональную нагрузку), то в современном обществе, которое анализирует Бауман, пространственные перемещения доступны широким социальным слоям. Соответственно, происходит диффузия социальной значимости пространственных перемещений, а вместе с ней – диффузия социальной идентичности тех групп, которые инвариантны этим перемещениям.

Подводя итог рассуждениям Баумана, резюмируем, что основную функцию Чужака он усматривает в создании неопределенности между фундаментальными общественными дихотомиями, в пресловутом размывании социальной идентичности [2]. Причем речь идет не о размывании идентичности самого Чужака, традиция изучения которого восходит к работам Р. Парка, посвященным душевному разладу маргинала. Для Баумана это размывание идентичности коренного большинства, которое происходит *благодаря Чужаку* из-за той неопределенности, которую он привносит в группу своим соприсутствием. Сам Чужак (чаще всего так и происходит) может и не подозревать об этом, он может положительно относиться к группе, однако такова его социальная функция.

Проблема трансформации границы рассматривается не только Зигмунтом Бауманом, но и другим влиятельнейшим современным ученым – Энтони Гидденсом. В его работах изменяется сам смысл понятия «граница», неразрывно связанный с маргинальностью. В современном мире исчезает «межграницное» пространство, поскольку физически все территории заняты и известны. Сами границы (в первую очередь границы культурных групп) становятся подвижными из-за постоянного перемешивания традиций, норм и ценностей. По выражению Э. Гидденса, происходит «превращение границ во фронтиры»¹. Гидденс, как и Бауман, пишет о значимости маргинального типа Чужака для трансформации пограничного пространства. Отличие заключается в том, что Гидденс приводит более конкретные примеры из современной истории, он более оптимистичен и в своих рассуждениях тяготеет к апологии космополитизма.

Эту идею Гидденс развивает в работе «Навстречу глобальному веку», где ставит вопрос о роли национальных государств в космополитическом мире. Английский социолог утверждает, что в настоящее время власть и суверенитет больше не являются показателями силы и что «сильной» должна считаться страна, достаточно уверенная в себе, «чтобы смириться с ограничениями своего суверенитета» [5, с. 439]. Прототипом «сильного» образования с «мягкими» границами Гидденс считает Европейский союз. Однако такое будущее ожидает не только страны Западной Европы, но и другие регионы.

В современном меняющемся под влиянием единых модернизационных практик мире особое значение приобретает проблема национальной самоидентификации. Гидденс пишет: «По мере того как границы становятся все более размытыми, а требования локальной автономии – все более настойчивыми, старые формы национальной идентичности должны быть реконструированы. Вопрос "Кто мы?" становится запутанным, но все еще требует четкого ответа» [5, с. 440]. Исследователь задается вопросом, как совместить идею нации с этническим и культурным плюрализмом, и предлагает идеологию, способную мобилизовать в условиях глобального рынка политические социал-демократические силы. Это идеология космополитической нации.

С точки зрения Гидденса, национальная идентичность в традиционном понимании ныне не может быть конструктивной силой, поскольку национализм и националистические устремления, обычно воинственные, всегда были причиной вооруженных конфликтов. Сегодня национальная идентичность должна строиться в условиях сотрудничества с другими (Чужаками) и иметь более открытую и рефлексивную конструкцию: «Космополитическая нация нуждается в ценностях, которым могут быть привержены все, и такой идентичности, которой все ее граждане удовлетворены, но, кроме того, она должна смириться с неоднозначной идентичностью и культурным разнообразием».

Схожие воззрения на космополитизм можно найти в работах другого известного современного социолога – немца Ульриха Бека. Вот что он пишет в своей работе «Космополитическое общество и его враги» о процессе распространения космополитического сознания: «космополитическая перспектива – это воображение альтернативных способов жизни и рациональностей, которое включает инаковость Другого. В основу деятельности оно закладывает преодоление противоречивости культурных опытов: в политической, экономической, научной и социальной сферах» [4, с. 26]. Если следовать логике Ульриха Бека, получается, что все большее количество людей превращаются в Чужаков или маргиналов. Ведь если мы возьмем классические определения этих социальных

---

¹ Фронтир – понятие, изначально введенное американским историком Ф. Тернером применительно к движущейся на Запад по мере освоения земель границе американского государства. Это понятие в некотором смысле связано с маргинальностью. Социальный тип пионера (особенно американского колониста), переселяющегося все дальше от метрополии и двигающего за собой фронтир, можно считать одним из подвидов маргинала. Однако Гидденс использует данный термин, скорее, не в «тернеровском» американизированном значении, а в том значении, которое коррелирует с подвижными границами средневековых европейских государств.

типов, то именно там мы наблюдаем схожие социальные свойства: умение принимать иной образ жизни, множественность культурных опытов.

Если сравнивать социальные типы космополита и маргинала, то окажется, что космополит – однозначно «позитивное» определение. Его включенность в культуры разных групп позволяет ему лучше ориентироваться в глобализованном мире. Без этой множественности культурных опытов на когнитивном уровне невозможно осознание мира как целостного социального объекта. Необходимость же осознания человечества как единого социума постулируется не только Ульрихом Беком, но и большинством других теоретиков глобализации.

Однако именно у Бека наилучшим образом показано, почему глобализация в итоге ведет к широкому распространению космополитизма.

«Глобализация изнутри, таким образом, соответствует аксиоме о несоответствии границ. Другими словами, границы больше не предопределены, их можно выбирать (и интерпретировать), но при этом их необходимо переопределять и легитимировать заново. Имеют место два параллельных процесса: увеличение приемлемых способов определения новых границ и возрастающая тенденция ставить под вопросы уже существующие границы во всех возможных областях. Когда культурные, политические, экономические и правовые границы перестают совпадать, обнаруживаются противоречия между различными принципами исключения» [4, с. 27].

В приведенной цитате, с одной стороны постулируется невозможность возникновения маргинальности в привычном понимании. Феномен маргинальности неразрывно связан с категорией границы. Если категория границы должна быть заново теоретически осмыслена с точки зрения той роли, которую она выполняет в конструировании социального, значит, заново должен быть осмыслен и феномен маргинальности. Действительно, если детально рассмотреть приведенную выдержку из текста Бека, в ней можно обнаружить два указания на новые возможности концептуализации маргинальности.

Первое – это то, что немецкий социолог все же декларирует необходимость новой «легитимации границ». Получается, граница как пространственная и социальная категория не исчезает совсем, а лишь требует теоретического переосмысления в новых условиях глобализации и трансформации традиционных принципов идентификации, старых принципов дихотомического разделения. Значит, с выработкой нового подхода к границам, возможно выработка нового подхода к маргинальности.

Бек даже уточняет, в чем может потенциально заключаться этот новый подход. Рассуждая про противоречия между различными типами исключения, он косвенно заявляет о возможностях новых противоречий между новыми идентичностями. Например, индивид может перестать считать значимыми старые принципы самоидентификации по географическим и политическим границам (вследствие их частого пересечения), однако будет продолжать считать значимыми границы национальных общностей в силу сохранения языкового барьера. Очевидно, что у такого индивида, являющегося по Беку космополитом, можно обнаружить отдельные свойства маргинальной личности в их классическом понимании. Подобные гибридизированные социальные типы, скорее всего, станут наиболее значимым предметом изучения в случае удачного встраивания идей этого немецкого социолога в корпус знаний о маргинальности.

Как уже было сказано, пространственные перемещения приобрели массовый характер, перестали быть атрибутом одних лишь Чужаков. Чтобы завершить анализ современных концепций, анализирующих последствия этого явления, необходимо обратиться к творчеству Джона Урри. Этот английский социолог рассматривает процессы маргинализации, размывания социальной идентичности и распространения космополитизма с точки зрения социальной мобильности.

В фокусе его внимания – новейшие средства коммуникации, тяга к путешествиям и дихотомия реального/нереального, подвижности/недвижимости, присутствия/отсутствия, сообщества действительного/виртуального. Проблемы, связанные с этими категориями,

Урри начал разрабатывать еще в 1990 г. в тексте «The Tourist Gaze» [10], однако для нас наиболее значимы его работы начала 2000-х гг., посвященные анализу социального взаимодействия в процессе разного рода перемещений в реальном и виртуальном пространстве эпохи глобализации. Это статья «Mobility and Proximity» (для журнала «Sociology», 2001) и доклады «Globalising the Tourist Gaze» (Грац, ноябрь 2001) и «Mobility and Connections» (Париж, апрель 2002) [11; 12].

В своих работах Урри говорит о конце традиционного туризма («туризма как такового») и о формировании глобального «общества потребления земного шара», пришедшего на смену путешественникам, вглядывающимся в незнакомый для них мир.

Современный путешественник, живущий в движении, тот, на кого работает индустрия туризма, – это прежде всего молодой человек либо обеспеченный пенсионер, и его впечатления могут быть измерены с помощью определенных упорядоченных процедур.

Привычность перемещений (физических и воображаемых, реальных и виртуальных, добровольных и вынужденных) и обилие «знакомых знаков» (прежде всего международных потребительских сетей – магазинов, кафе и ресторанов, отелей и т.д.) в незнакомом мире увеличивает подобие между поведением «дома» и «вне дома». Возникает туристическое пространство, в котором «особость» окружающей среды теряется.

Урри особо подчеркивает в материальном путешествии телесную составляющую: туристы – это тела определенного пола, возраста, расы и физического строения, сталкивающиеся с другими телами, объектами и физическим миром, и кинестетический смысл освоения нового пространства нельзя недооценивать. Таким образом, в путешествии возникают сложные связи между физическим и социокультурным ощущением.

«Глобальный турист» удовлетворяет запрос на «свежесть восприятия» двумя способами: помещая себя в иное пространство либо привнося подчеркнутую экзотичность в открываемый мир. В первом случае он посещает территории, пограничные в социокультурном смысле: такие как Аляска и Антарктида, Монголия, Вьетнам, Исландия, турецкая часть Кипра, концлагеря Освенцим и Дахау, тюрьма Чанги в Сингапуре и т.п. Во втором – пользуется услугами глобальной индустрии пляжного туризма, где ориентальная компонента строго ограничена внешним запросом (национальные танцы, кухня, сексуальные услуги и т.п.).

При этом «перемещающееся тело» видит мир вокруг себя особым образом. Этот взгляд можно сравнить либо со статически пристальным взглядом фотоаппарата, либо с калейдоскопом теле- и видеоизображения. Неустойчивы моменты со-присутствия, физической близости с пространством, в котором происходит перемещение и визуальное потребление достопримечательностей из железнодорожного вагона или автобуса, через автомобильное ветровое стекло, иллюминатор парохода или видеоискатель камеры. Но ради интенсивного со-присутствия и совершаются путешествия. Особая привлекательность мест досуга, достопримечательностей, географически и онтологически удаленных от пространства работы и привычного быта, заключается именно в том, что они принципиально отличаются от физического и социального пространства повседневности. Именно поэтому современные коммуникации (письмо, открытка, телеграмма, телефон, факс, печатные СМИ, фильмы и телевидение, компьютер и виртуальная реальность) не могут в полной мере заменить физическую транспортировку и насытить путешественника впечатлениями.

Условно вызванное физическое и виртуальное со-присутствие, вовлеченность в случайное со-присутствие, способы перемещения и степень равенства в доступе к этим способам, ограничение на близость и возникновение «мобильных культур», в которых поездка, передвижение являются неизбежными, бесспорными и само собой разумеющимися – все эти явления Урри считает критически значимыми для современной социологии и достойными специального изучения. При этом «анализ того, зачем люди путешествуют и путешествуют ли они в данный конкретный момент, должен задействовать сложный набор социальных практик, включающих старые и недавно появившиеся технологии, которые

восстанавливают понятия близости и расстояния, близости и удаленности, статики и движения, тела и др.» [12, р. 9]).

Подводя итог анализу позиций четырех современных авторов, можно с уверенностью утверждать, что интенсификация пространственных перемещений является значимым социальным процессом, который не должен игнорироваться учеными, претендующими на осмысление трансформаций современного общества. Действительно, этот факт не может быть оспорен в условиях нарастания объема взаимодействий между пространственно удаленными группами. Более того, «мобильная социология» Джона Урри, кратко рассмотренная нами в конце статьи, показывает, что даже возможность виртуального взаимодействия между пространственно удаленными группами не нивелирует значение пространственных факторов для социологии. Роль этих факторов действительно трансформируется, однако массовое распространение такого феномена, как туризм, реабилитирует социальную значимость пространственных перемещений.

Вынесенные в заглавие данной статьи термины «маргинализация» и «космополитизм» на деле оказываются двумя сторонами одного и того же процесса. Вслед за С.П. Баньковской мы дифференцировали «позитивное» и «негативное» определение маргинализации. По аналогии с этой дифференциацией можно определить космополитизм как «оптимистический», «позитивный» социологический взгляд на перспективы процессов, связанных с размыванием групповых идентичностей. Маргинализация же будет в таком случае негативным, «пессимистическим» определением, основанным на неполноценности, «половинчатости» групповых идентичностей современного человека. Вне зависимости от угла зрения интенсификация пространственных взаимодействий является значимой причиной распространения указанного процесса.

Литература

1. Баньковская С.П. Чикагская школа в американской социологической теории: от кризисного сознания к стабилизационному // История теоретической социологии. Т.3 / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Изд-во «Канон +», 2002. С. 103–116.
2. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457-467.
3. Бауман З. Национальное государство: что дальше? / Пер. с англ. Г. Дашевского // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 419-435.
4. Бек У. Космополитическое общество и его враги / Пер. с англ. А.М. Хохловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 24-53
5. Гидденс Э. Навстречу глобальному веку / Пер. с англ. С.П. Баньковской // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 436-452.
6. Bauman Z. Modernity and ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1991.
7. Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity // British Journal of Sociology. 2000. №1.
8. Park R. E. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. No. 6. P. 881-893.
9. Simmel G. The sociological significance of the stranger // Introduction to the science of sociology / Ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1972. P. 322-327.
10. Urry J. The Tourist Gaze. London: Sage, 1990.
11. Urry J. Tourism Mobilities. Places to Play, Places in Play. London: Routledge, 2004.
12. Urry J. Mobility and proximity // Sociology. London: Sage, 2002.